

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ НА «ДЕЛО ВРАЧЕЙ» (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. Н. Сперанская,

*Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

В статье на материалах Челябинской области исследуется реакция общества на сфабрикованное в начале 1953 г. «дело врачей». На основе изучения архивных и опубликованных материалов показано, что политическая кампания нашла широкий отклик и поддержку у провинциальной общественности. Реакцию жителей Челябинской области можно охарактеризовать как эмоциональную и агрессивную. Отмечается рост различных фобий, панических настроений, распространение слухов. «Дело врачей» показало также наличие бытового антисемитизма, ставшего одной из форм проявления накопившегося социального недовольства.

Ключевые слова: «дело врачей», поздний сталинизм, антисемитизм, Челябинская область.

Сложная социально-экономическая ситуация, сохраняющаяся в СССР в первое послевоенное десятилетие, эскалация «холодной войны» требовали усиленной мобилизации советского общества. Основным инструментом преодоления кризисных явлений вновь стали политические кампании. Последняя из них, получившая в историографии название «дело врачей», началась в 1953 г.

Политические кампании, проводившиеся в СССР в послевоенное десятилетие, имели уже устоявшийся сценарий, в котором действия органов власти и общества происходили в определенной последовательности. Вместе с тем, в кампаниях можно выделить центральный и региональный аспект. В отечественной историографии накоплен значительный материал по «делу врачей», выработаны основные методологические подходы. Наиболее полно исследована политическая кампания в центре [6; 8—11]. Региональный компонент в историографии изучен меньше. Можно выделить работы Е. С. Гениной, С. М. Деминой, Д. Ю. Асташкина исследовавших различные аспекты «дела врачей» в отдельных регионах СССР [1—4]. Особое значение в разработке темы имеет работа А. С. Кимерлинг, в которой на обширном материале реконструировано «дело врачей» в Свердловской и Молотовской областях [7]. Исследования этих авторов показывают, что в провинции существовала определенная специфика протекания кампании. Были различия в реакции общества и действиях местных властей.

Поэтому изучение регионального аспекта политических кампаний представляется важным для понимания механизмов функционирования тоталитарного режима. Отдельный интерес представляет выявление признаков, характерных для общественного сознания этой эпохи. Основными источниками, используемыми в статье стали отчеты, информационные сводки об откликах трудящихся, сделанных как в официальной обстановке, так и в личных разговорах; списки вопросов, которые задавали агитаторам и партийному руководству; воспоминания участников событий.

Началом разворачивания пропагандистской кампании стала статья в «Правде» от 13 января 1953 г. «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» [14, с. 1]. «Дело врачей», как и другие политические кампании, опиралось на разработанную в СССР идею о внутренних врагах. В данном случае образ внутреннего и внешнего врага удалось удачно связать. Врагами была определена группа врачей, якобы работавшая через еврейскую буржуазно-националистическую организацию «Джойнт» на американскую разведку. Их обвинили в умышленно неправильном лечении руководителей страны, которое стало причиной смерти А. А. Жданова и А. С. Щербакова.

После выхода статьи местные органы власти должны были организовывать совместные чтения и обсуждения статьи в учреждениях области, провести необходимые митинги, собрания разных уровней. Это давало возможность донести до всех необходимую информацию, определить необходимые для обсуждения темы, а также сформировать нужное для руководства мнение.

Челябинский обком после выхода статьи оперативно приступил к организации необходимых мероприятий. Во всех учреждениях и на предприятиях Челябинской области, даже в самых отдаленных колхозах, агитаторы зачитывали статью, организовывали ее обсуждение. Обращает на себя внимание, крайне эмоциональная реакция граждан. Так, во время зачитывания статьи в цехах Челябинского тракторного завода слушатели плакали, выражали сочувствие семьям погибших [12, л. 32].

На собраниях поступок врачей подвергся единогласному осуждению. Общественность с готовностью приняла версию о «врачах-вредителях». Если у кого-то и были сомнения, то публично они не были озвучены. Участники собраний активно выражали свое возмущение, требуя для преступников высочайшей меры наказания. При этом выступающие не ограничивались пересказом пропагандистских материалов. Предлагалось множество собственных вариантов расправы, отличающихся по уровню

жестокости. Так на Челябинском металлургическом заводе предлагали «уничтожить, стереть с лица земли», «публично повесить», «сжечь на медленном огне», «посадить голых в тюрьму» [13, л. 68—71]. На Челябинском тракторном заводе — «четвертовать», «закопать живыми в землю»; или же «заразить их, и не давать им лечения и ухода, пока не погибнут» [13, л. 72, 101]. На заводе им. Коллющенко рабочие требовали уничтожить не только врагов, но и их семьи: «Искоренить, чтобы и духу не было» [12, л. 65]. Такой всплеск агрессивных эмоций объясняется существующими стереотипами массового сознания. Подобная реакция и нормы поведения заложены в механизме поведения толпы, которая тяготеет к упрощенному поиску виновного [6, с. 199]. Высокий уровень агрессивности был обусловлен и тяготами послевоенной жизни к началу 1950-х гг. В советском обществе был сформирован огромный запас негативных эмоций, которые достигнув критической отметки, нашли свой выход в «деле врачей».

Осуждение виновных сопровождалось с обязательными призывами «укреплять бдительность», «бороться с ротозейством» [12, л. 33]. «Это произошло только благодаря тому, что у нас плохо с бдительностью. Наши заводские руководители тоже ротозейничают и не принимают мер к тому, что такие руководители как Шацкий, который во время войны имел переписку с границей, а сейчас работает начальником отдела заводоуправления» [13, л. 27].

Согласно сложившейся практике проведения политических кампаний, после призывов об «усилении бдительности», звучали обязательные предложения о «повышенных обязательствах». Машинист электровозного депо г. Златоуста Кузнецов: «Я призываю улучшить наши производственные показатели и досрочно выполнить социалистические обязательства». Бригадир тракторной бригады Челябинской МТС Гусев: «В ответ на злодеяние врагов я беру обязательства ко дню выборов 22 февраля закончить ремонт тракторов с хорошим качеством» [12, л. 33]. В колхозе им. Ленина Сосновского района: «Мы колхозники должны повысить свою бдительность, укрепить трудовую дисциплину, хорошо провести зимовку скота, выполнить все зимние агротехнические мероприятия и хорошо подготовиться к весеннему севу» [12, л. 34].

В сложной ситуации оказались медицинские работники и профессорско-преподавательский состав Челябинского медицинского института. Уже 14 января на кафедрах, в клиниках, в студенческих группах провели читки статьи. Реакция коллектива Челябинского медицинского института по сравнению с откликами рабочих и служащих предприятий области была более сдержанной. Челябинские медики выразили возмущение, негодование поступком своих московских коллег в достаточно формальных выступлениях, используя штампованные фразы из прессы. Единогласно потребовали «суровой кары» [13, л. 88—95]. Однако не было агрессивных призывов и предложений особо наказать врачей, отсутствовали и антисемитские высказывания. Только в одном выступлении прозвучала осторожная

критика: «Мы не всегда с вниманием относимся к окружающему. Стоит вспомнить только годами не прекращающуюся эпидемию дизентерии в Челябинске и другие подобные случаи, вроде внезапной вспышки сибирской язвы в Магнитогорске пару лет тому назад» [13, л. 94]. Все участники стремились продемонстрировать свою лояльность и разграничить «врачей-предателей» и честных советских врачей. Каждый выступавший на собрании призывал «постоянно помнить о капиталистическом окружении, бороться с ротозейством и быть бдительным» [13, л. 95].

Важная тема, которая будет подниматься на всех собраниях — это плохое медицинское обслуживание. Система здравоохранения в Челябинской области действительно имела много недостатков и не удовлетворяла потребностям населения. Не хватало больничных пунктов, элементарного оборудования, медикаментов, квалифицированных медицинских кадров. Недостаточной была коечная сеть: в городах области — 11,1 койки на 1000 человек, в сельской местности — 2 койки [15, с. 68]. Несмотря на масштабные санитарно-эпидемиологические мероприятия, проводимые в Челябинской области, не удавалось переломить ситуацию по ряду инфекционных болезней. В послевоенное десятилетие наблюдался рост заболеваемости туберкулезом, малярией, дифтерией, дизентерией, коклюшем, корью. Таким образом, в медицинском обслуживании сохранялось множество проблем, с которыми граждане сталкивались постоянно.

Поэтому участники собраний, выразив свое возмущение, переходили к вопросам, которые касались лично каждого. Отчеты полны жалоб на конкретных врачей. Так, горняки «Коркиншахтстрой» и «Челябшахтстрой» жаловались на врачей Жмуть, Фенстер, Нахмансон, требовали «обратить внимание на улучшение медицинского обслуживания в городе и взять под контроль работу указанных врачей», а рабочие Копейска жаловались на «невнимательное отношение» со стороны врача Гуляк [12, л. 35, 39]. На собраниях звучали жалобы на грубость, отказ принять после рабочего дня, поверхностный осмотр, неверные диагнозы, неправильно выписанные больничные бюллетени [13, л. 17]. Лейтмотивом всех выступлений было требование: «Врачи должны улучшить работу в поликлиниках. В погоне за количеством, страдает качество обслуживания» [13, л. 49]. В отчетах обкома зафиксировано также увеличение потока писем, жалоб на некачественное медицинское обслуживание в поликлиниках и больницах области [13, л. 98].

Таким образом, внимание концентрировалось в первую очередь на местных проблемах. В политических кампаниях верховная власть обращалась напрямую к простым гражданам. Организованные собрания и митинги открывали возможность донести до власти свое недовольство. Общественность все это понимала. Поэтому, пользуясь сложившейся обстановкой, спешили пожаловаться не только на плохое медицинское обслуживание, но и на другие проблемы. Например, жаловались на хулиганство, ограбления, избиения рабочих в поселке металлургов,

требовали проверить работу милиции [13, л. 17—18].

Но все же, основной темой оставались «врачи-вредители». Выступления людей отражают усиливающийся страх. Мастер швейного цеха т. Орех: «Как идти в больницу теперь, может быть там тоже вредители. Мы работаем в 3 смены, вкладываем огромные силы, чтобы удовлетворить запросы наших трудящихся, а они гады вредят нам» [13, л. 31]. Как и во всей стране, в поликлиниках Челябинской области участились случаи отказа от приема у врачей еврейской национальности [12, л. 40]. «В частности, в регистратуре дорожной больницы, иногда смущаясь, иногда со злостью, некоторые больные просили их к врачам-евреям не записывать...» [5, с. 203]. А цеховой врач поликлиники ЧТЗ Р. С. Швед, вспоминала, что пациенты, купив выписанные ею лекарства, возвращались, и требовали, чтобы она выпила таблетку на их глазах, опасаясь, что она отравленная. «Я вынуждена была глотать различные таблетки и порошки, а больной, просидев 10—15 минут у меня в кабинете, и не увидев признаков отравления, уходил» [5, с. 202].

В Челябинской области пропагандистская кампания в прессе протекала не активно, поэтому у населения не было возможности получить официальную информацию о положении в области. Это вело к распространению панических настроений. Кроме того, под сомнение была поставлена компетентность органов безопасности. Участники собраний выражали недовольство органами государственной безопасности, которые длительное время не могли разоблачить деятельность врагов [13, л. 32]. Не доверяя властям, общество начинает самостоятельный поиск «врачей-вредителей» в больницах и поликлиниках. Показательны вопросы, которые слушатели задавали агитаторам: «Есть ли у разоблаченных соратники в других городах? Есть ли вероятность выпуска недоброкачественной продукции у фармацевтической промышленности? Смерть директора Магнитогорского металлургического комбината т. Носова — результат вредительского лечения?» [13, л. 34]. В сложившемся информационном вакууме начинают распространяющиеся слухи о челябинских врачах-вредителях, заражающих людей через «отравленные» прививки [13, л. 46, 75].

Характерной чертой выступлений становится их антисемитская направленность. Показательный пример — высказывание сварщика на заводе металлоконструкций Починкина: «Я сам к ним несколько раз обращался с болезнью, но они с русскими обращаются очень плохо. Поэтому я считаю, что этой национальности нельзя доверять лечить людей» [13, л. 27]. Несмотря на то, что челябинские партийно-государственные органы не акцентировали внимание на национальности врачей, а агитаторы использовали в основном термин «сионист», общественность уже четко определяла врага термином «еврей». Антисемитские высказывания на предприятиях Челябинской области звучат совершенно не прикрито. Слесарь депо Семенов: «Я прямо заявляю, что евреям не место в наших советских учреждениях и предприятиях. Где не больница — там еврей, где не магазин — там еврей. Гнать их поганой метлоу

в Колыму. Пусть там работают» [12, л. 28]. «Евреи все-таки отлынивали от войны, теперь они отравляют людей». [13, л. 13]. В отчетах, поступающих в обком, постоянно отмечается, что «ряд товарищей высказали недоброжелательное отношение не только к врачам-преступникам, но ко всей еврейской нации», «в связи с опубликованными материалами в городах и районах имеют место факты неправильного отношения к еврейскому населению вообще» [13, л. 29, 35]. Поэтому перед агитаторами ставится задача объяснять на собраниях, что нельзя переносить возмущение против вредителей на всю еврейскую часть населения. «Среди евреев... есть много честных и преданных нашей Родине людей» [13, л. 35].

Уже 16 января «учитывая, что имеют место такие вредные настроения, обком КПСС дал указание горкомам и райкомам партии провести разъяснительную работу и направить обсуждение действий врачей-вредителей по пути устранения фактов ротозейства и усиления бдительности в повседневной работе» [13, л. 36]. Действительно, в отчете за 17 января во всех выступлениях на предприятиях прозвучали призывы усилить бдительность [13, л. 37—41]. Но антисемитские высказывания не прекратились, а «различные категории трудящихся продолжают высказывать крайне враждебные взгляды по отношению ко всем евреям» [13, л. 40]. Поэтому 17 января агитаторам и лекторам обком поручил начать проведение лекций «О дружбе народов», «О советском патриотизме», «О бдительности», а секретарям партийных организаций на предприятиях дано указание предотвращать малейшие проявления антисемитизма [13, л. 41].

В результате усилий властей публичные «нездоровые выступления» на общих собраниях практически прекратились. Но антисемитские настроения продолжают фиксироваться в частных беседах. В отчетах указывалось, что между собой «рабочие говорят, что среди евреев много жуликов, мошенников, темных личностей, что евреи физическим трудом не занимаются и не хотят заниматься», требуют «выселить евреев в Сибирь», взять на учет МГБ. На ЧГРЭС в частных беседах рабочие говорят, что евреев надо лишиться руководящих должностей, возможности получать высшее образование [13, л. 3]. Подобные настроения наблюдались на заводе им. Колыщенко и на Челябинском металлургическом заводе [13, л. 15, 16]. В многочисленных очередях Челябинска уже звучали опасные призывы: «всех евреев надо истребить» [13, л. 75].

Челябинский обком тревожил не только рост погромных настроений, но и возможность потери контроля над обществом. Так, из сельских районов поступали сообщения о том, что беседы с агитаторами после читки перерастают в стихийные собрания, где крестьяне «с возмущением и негодованием клеймят врачей» [12, л. 34]. В ремонтно-строительном цехе Челябинского трубопрокатного завода произошло стихийное собрание 80 рабочих, без участия парткома. Участники самостоятельно написали петицию, в которой требовали заменить евреев на всех руководящих постах, ограничить прием в медицинские учебные учреждения и учебные заведения пищевой промышленности [12, л. 40]. Секретарь

горкома получил распоряжение объяснить рабочим «ошибочность подобного решения».

Опасность для руководства области представляло и то, что в этой кампании настроения масс начали приобретать характер социального протеста. Проблемы повседневной жизни вели к поиску виновных, где недовольство было направлено против всех «начальников». Машинист шахты 7/8 г. Копейска Тилошук и помощник машиниста Насретдинов высказывают недовольство, что «почти все руководящие должности в шахте занимают евреи, среди которых многие не заслуживают политического доверия» [12, л. 45]. Рабочий-монтажник жилстроя № 1 Казаков: «Слишком много евреев допущено на руководящие посты. Я считаю, пора бы ограничить для них доступ к ответственным участкам. Народ это очень ненадежный; рабочий Федоров: «Евреи у нас живут лучше, чем русские, так как в Советском Союзе подавляющее большинство их работают на руководящих постах и в торговой сети» [13, л. 28, 79].

Рабочие Челябинского трубопрокатного завода жаловались, что директор т. Токовой «окружил себя евреями и по сравнению с русскими создает им лучшие условия, как по работе, так и по оплате труда». [12, л. 40]. Кроме того, рабочие заявили, что у них на заводе организовано «еврейское общество», которое возглавляет начальник сталелитейного цеха. И высказали предположение, что разрушение 2 января нового термического цеха «не обошлось без вмешательства евреев». Подобные предположения могли иметь опасные для местных властей последствия, открывали возможность для дальнейшего расширения кампании, ставили под удар широкий круг хозяйственных и партийных руководителей.

Таким образом, можно сделать вывод, что население Челябинской области с готовностью откликнулось на эту политическую кампанию. Выбор врача в качестве врага, нашел поддержку у населения. Недостатки системы здравоохранения напрямую касались всех, тем более что медицинское обслуживание в Челябинской области имело множество проблем, и были реальные причины для недовольства населения. Шквал критических замечаний, претензий, жалоб свидетельствуют о значительной активности общества. Реакция населения отличалась с одной стороны значительной агрессивностью, с другой — усилением панических настроений. Результатом кампании в Челябинской области, как и в стране, стал рост мнительности, различных фобий, отказ от посещения врачей, активизация нелепых слухов. Реакция масс показала и распространенность бытового антисемитизма. Негативные критические эмоции начинали обретать форму конкретных претензий, к руководству области не только по вопросам медицинского обслуживания, но и по множеству на-

копившихся проблем. Возможность нейтрализовать социальное напряжение была одной из целей «дела врачей», как и других политических кампаний. Но слишком эмоциональная и неконтролируемая реакция широких масс могла стать дестабилизирующим фактором, мешающим нормальному управлению. Поэтому партийное руководство Челябинской области стремилось сдерживать проявившуюся в ходе этой кампании низовую активность.

Литература и источники

1. Асташкин, Д. Ю. Антисемитская реакция советского общества на «дело врачей» (по материалам новгородского управления МГБ) / Д. Ю. Асташкин // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2015. — № 1 (42) — С. 32—39.
2. Генина, Е. С. «Дело врачей» в Сибири (1953 г.) / Е. С. Генина // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология*. — 2009. — Т. 8, № 1. — С. 81—85.
3. Генина, Е. С. «Дело врачей» в Сталинске (1953 г.) / Е. С. Генина // *Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, политология*. — 2009 — № 4-1. — С. 55—62.
4. Демина, С. М. «Дело врачей»: региональный уровень / С. М. Демина // *История Алтайского края XVIII—XX вв. Научные и документальные материалы*. — Барнаул, 2005. — С. 352—358.
5. Ерусалимчик, Г. И. Разные судьбы — общая судьба (из истории евреев Челябинска) / Г. И. Ерусалимчик. — Челябинск : Изд-во Татьяны Лурье, 1999. — 448 с.
6. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945—1953 / Е. Ю. Зубкова. — М. : РОССПЭН, 1999. — 229 с.
7. Кимерлинг, А. С. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции / А. С. Кимерлинг. — Пермь : Пермский гос. ин-т искусства и культуры, 2011. — 163 с.
8. Клейн, Б. С. Политика США и «дело врачей» / Б. С. Клейн // *Вопросы истории*. — 2006. — № 6. — С. 35—47.
9. Костырченко, Г. В плену у красного фараона / Г. Костырченко. — М. : Международные отношения, 1994. — 400 с.
10. Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР / Г. В. Костырченко. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. — 415 с.
11. Медведев, Ж. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ / Ж. Медведев. — М. : Права человека, 2003. — 288 с.
12. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 17. Д. 143.
13. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 17. Д. 175.
14. Правда. — 1953. — 13 янв.
15. Хомякова, Н. В. Государственная социальная политика на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны (1945—1953 гг.) / Н. В. Хомякова // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. — 2008. — № 1. — С. 66—71.

СПЕРАНСКАЯ Анна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная и зарубежная история», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: ansperanskaya@mail.ru

Поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.

PUBLIC REACTION TO “THE CASE OF DOCTORS” (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHELYABINSK REGION)

A. N. Speranskaya, *ansperanskaya@mail.ru*,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

In the article based on the materials of the Chelyabinsk region the reaction of the society to “The Case of Doctors” fabricated at the beginning of 1953 is being researched. Based on the study of archival and published materials, it was shown that the political campaign caused a wide response and support from the provincial public. The reaction of residents of the Chelyabinsk region can be described as emotional and aggressive. There was a growth of various phobias, panic, rumors. “The Case of Doctors” also showed the existence of domestic anti-Semitism, which had become one of the forms to manifest a growing social discontent.

Keywords: “The Case of Doctors”, late Stalinism, anti-Semitism, Chelyabinsk region.

References

1. Astaschkin D. Antisemitskaya reaktsiya sovetskogo obshchestva na «delo vrachey» (po materialam novgorodskogo otdela MGB) [The anti-Semitic reaction on the Doctor's plot by the soviet society (on materials of Novgorod KGB)] *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2015, 1 (42), p. 32—39.
2. Genina E.S. «Delo vrachey» v Sibiri (1953 g.) [«The Doctor's case» in Siberia (1953)] *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta: (Seria: Istorija, filologiya)* [Bulletin of Novosibirsk state University. Series: History, Philology]. 2009, Vol.8, 1, p. 81—85.
3. Genina E.S. «Delo vrachey» v Stalinske (1953 g.) [«The Case of Doctors» in Stalinsk (1953)] *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta: (Seriya: Istorija, Politologiya)*. [News of Altay state University. Series: History, political science]. 2009, 4-1, p. 55—62.
4. Demina S.M. «Delo vrachey»: regionalniy uroven [«The Case of Doctors»: regional level] *Istoriya Altayskogo kraja XVIII-XX vv. Nauchnie i dokumentalnie materialy [History of the Altai region XVIII-XX century. Scientific and documentary materials]*. Barnaul, 2005, p. 352—358.
5. Erusalimchik G.I. Raznye sudbi — obchaya sudba (iz istorii evreev Chelyabinska) [*Different fates-common fate (from the history of the Jews of Chelyabinsk)*]. Chelyabinsk, 1999, p. 448
6. Zubkova E. Poslevoennoe obchestvo: politika i povsednevnost 1945-1953 [*Post-war society: politics and everyday life 1945-1953*]. Moscow, 1999. — 229 p.
7. Kimerling A. S. Terror na izlyote. «Delo vrachey» v uralskoy provinczii. [Terror in the decline. «The Case of Doctors» in the Ural province]. Perm: Permskiy gosudarstvenniy institute iskusstva i kulturi. [*Perm state Institute of culture and art*]. Perm, 2011, 163 p.
8. Kleyn B.S. Politika USA i «Delo vrachey» [«The Case of Doctors» and U.S. policy]. *Voprosi istorii. [Question of history]*. 2006, 6. p. 35 —47.
9. Kostirchenko G. V plenu u krasnogo faraona. [In captivity of the red Pharaoh]. Moscow, 1994, 400 p.
10. Kostirchenko G. Stalin protiv «kosmopolitov». Vlast i evreysakaya intelligentsiya v SSSR. [*Stalin against cosmopolitans. The government and the Jewish Intelligentsia in the Soviet Union*]. Moscow, 2010, 415 p.
11. Medvedev Zh. Stalin i evreyskaya problema: Novyj analiz [*Stalin and the Jewish problem: a new analysis*]. Moscow, 2003, 288 p.
12. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO). [*Consolidated archive of Chelyabinsk region*] F. 288. Op. 17. File. 143.
13. OGACHO. F. 288. Op. 17. File. 175.
14. *Pravda*. 13.01.1953.
15. Homyakova N. V. Gosudarstvennaya sozalnaya politika na Yuzhnom Urale posle okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyni (1945—1953 gg.) [State social policy in the southern Urals after the end of the Great Patriotic war (1945—1953)] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Orenburg state pedagogical University]. 2008, 1, p. 66—71.

Received February 25, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сперанская, А. Н. Общественная реакция на «дело врачей» (на материалах Челябинской области) / А. Н. Сперанская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 2. — С. 68—72. DOI: 10.14529/ssh190209

FOR CITATION

Speranskaya A. N. Public reaction to “the case of doctors” (based on the materials of the Chelyabinsk region). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 2, pp. 68—72. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190209